

— Я НИКОГДА НЕ БЫЛ В КЗЫЛ-Ординском театре, но я обязательно побываю в нем, как только представится возможность. И дело не только в том, что его кругом хвалят — судя по всему, вполне заслуженно, — дело в том еще, что это наш, комсомольский театр: премия Ленинского комсомола Казахстана, присужденная ему, достаточно красноречиво говорит об этом, и я рад предоставить сейчас слово маману Байсеркенову — главному режиссеру театра-лауреата.

— О театре я мечтал еще мальчишкой. Мне представлялось, что я — актер, играющий одну интересную роль за другой, и наступило время, когда мечта моя — по крайней мере, мне так показалось, начинает исполняться: в 1957 году я окончил школу и поступил на актерский факультет Алма-Атинского института искусств. Но, увы... ровно через год меня исключили. В графе «причины исключения из института» стояло: «непригодность, неспособность стать артистом». Родные успокаивали меня, советовали поступить в другой вуз, но у меня была мечта, и этой мечтой был театр! И через два года я подал документы в институт искусств на режиссерский факультет, хотя, честно говоря, не имел ни малейшего представления о режиссуре. Вольше того, в ту пору мне казалось, что режиссер — второстепенное, если не сказать — лишнее лицо в театре. Так или иначе, но я попал в театр.

Помню, на вступительных экзаменах Абрам Львович Мадиевский, главный режиссер Республиканского русского драматического театра имени М. Ю. Лермонтова и наш будущий учитель, от души смеялся над моей «экспозицией» к лермонтовскому «Маскараду»:

— У тебя это сейчас не получится, лучше потерпи...

И все-таки меня приняли. Чудо? Вряд ли... Просто очень уж несчастный и в то же время увлеченный был у меня тогда вид...

Мы учились постигать сложное и великое искусство режиссуры, и не каждому под силу было это постижение, и к концу пятого курса нас оставалось только девять. Из двадцати пяти... А главное испытание только еще было впереди...

«Наша цель будет достигнута только тогда, когда мы сумеем поставить спектакль

за кулисами», — это сказал кто-то из знаменитых. И был прав. Потому что бывает и так: актер неплохо играет на сцене, но как только попадает за кулисы, выходит из роли и возвращается к своим будничным, порой мелочным заботам. А ведь режиссер так нужно, чтобы актер жил в своей роли до конца, чтобы сам он на эти три сце-

ПУСТЬ СБУДУТСЯ МЕЧТЫ!

нических часа стал тем, кого он играет, чтобы он был им и на сцене, и за кулисами.

Когда наш коллектив решил поставить «Оптимистическую трагедию», многие недоуменно пожимали плечами: актерский состав малочислен и неопытен, да и сценическая площадка примитивна: работает наш театр в Доме культуры, сцена в нем маленькая, акустика — о ней и говорить уже не приходится... А пьеса Вишневского требует монументальности... Мы, конечно, все

это понимали и тем не менее — решились...

Только один эпизод... Вместе с заслуженным художником КазССР Г. М. Каном мы долго ломали голову — как оформить сцену? Были исползованы десятки эскизов — и десятки раз они нас не удовлетворяли. Вы, конечно, помните, что действие в «Оптимистической» разворачивается на палубе корабля, и во всех театрах, где ставят эту пьесу, антураж сводится к макету корабля. Может быть, и мы пошли бы по этому пути, но нет худа без добра! Размеры нашей сцены не позволяли нам такой «роскоши». И мы решили оформить спектакль так, чтобы кораблем был весь зрительный зал, а зрители — не-

расстрела вожака Алексей приносит и кладет перед Комиссаром знамя и кепку Вожак. Комиссар — на переднем плане. Напряженная тишина. Все молчат — и матросы, и Алексей, и сама Комиссар. Она только медленно и внимательно обводит всех глазами, пытается прочесть в глазах окружающих их настроение.

А в это время на помощь своему Вожаку идут анархисты. В спектакле они выходят из боковой двери зрительного зала. Получается совмещение двух планов. На сцене продолжается жизнь, а в это время зрители видят другую жизнь, медленно надвигающуюся на первую, — идут анархисты.

В «Оптимистической трагедии» много актерских удач. Прекрасно сыграна роль Алексея (артист Т. Айнакулов), колоритен, точен образ Комиссара (заслуженная артистка республики Ш. Бакирова). Психологически тонко решил образ Сиплого артист О. Абдимомыков.

Но во время сдачи спектакля и потом, когда я смотрел его как зритель, меня поразила артист Мейерманов (первый старшина). Он играл так темпераментно, страстно — буквально горел на сцене! До «Оптимистической» я этого артиста почти не замечал. И вдруг передо мной — интересный, неожиданный, сильный актер. Глядя на его игру, я стал вспоминать героев пьес, играя которых Мейерманов смог бы полностью проявить свои актерские возможности. Напрашивался эпический, монументальный и в то же время психологический образ. И вдруг — мысль: да ведь он же — Отелло! Репетиции сейчас в самом разгаре...

...Под Новый год взрослые и маленькие, грустные и веселые, скептики и мечтатели обычно загадывают самое сокровенное свое желание. Мы тоже мечтаем. И я скажу вам по секрету — о чем. Мы мечтаем о том, чтобы 1970-й год встретить под крышей нового, хорошего здания, с большой сценой, со «столичной акустикой»... Кстати, у нашей мечты — прочная основа: здание театра уже строится.

Давайте же загадаем свои желания и скажем друг другу простые и мудрые слова: пусть сбудутся все наши мечты!

